

Реквием и Сальери

Кривбуга. - 1994. - 21 стр. - С. 9.

— Ну, малышка, какая опера тебе понравилась больше — «Моцарт и Сальери» или «Алеко»?

— Реквием.

Разговор мамы с дочкой у центрального подъезда.

Возможно, вы уже догадались, что речь пойдет о вечере одноактных опер в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко и главным образом о той, что является премьерой, — о «Моцарте и Сальери».

Речь, собственно, можно было бы ограничить тремя словами: «Получился хороший спектакль», но, боюсь, все равно придется объясняться, учитывая одно деликатное обстоятельство: как это возможно, если спектакль утратил первое и характернейшее свойство оперы Римского-Корсакова, а именно — камерность?

Ее непросто сохранить и при «дословном» воспроизведении оперы на сцене (недаром сам композитор опасался, что она может быть уместна только на домашних вечерах). Всякий же «шаг в сторону» грозит разрушить созданную скупыми мазками и неброскими звуковыми красками атмосферу, столь драгоценную для занятия, которому предается главный герой оперы (а это все-таки Сальери), занятая вместе интимнейшего — исследования собственной души — и греховного — критики Божественного промысла... Театр же сделал таких «шагов в сторону» немало.

Опера, предназначенная для двух солистов и оркестра уменьшенного состава, вдруг превратилась в многолюдный спектакль — за счет нескольких не предусмотренных ни поэтом, ни композитором эпизодических лиц, а также хора и оркестра, примостившихся на сцене (эта работа театра

заявлена как поиск в области концертно-оперного исполнительства). Но главное — по воле постановщиков негромкое корсаковское произведение пронизал монументальный Реквием Моцарта. В этом — разгадка странности детского восприятия (смотри эпиграф), а заодно и причина жанровой трансформации оперы.

Спектакль начнется с фрагмента «Dies Irae» — «День гнева», или Страшный суд, на который из темноты зрительного зала выйдет «черный человек» — Сальери. Потом прозвучит «Rex tremendae», затем — начальные такты первой части и, наконец, «Lacrimosa». И вот эффект, едва ли планируемый создателями спектакля, — опера Римского-Корсакова, это стройное, с массой оцененных и публикой, и критикой достоинств сочинение померкло перед музыкой, написанной не просто талантливым — гением и обращенной уже не к человеку — к Богу. Мудрый Корсаков «пустил» в свою оперу, причём перед самым ее финалом, лишь четырнадцать первых тактов моцартовского сочинения. Постановщики же не только не доверились чутью композитора, но возвели ошибку (разрушительную по отношению к оригиналу, но разрушительную ли по отношению к новообразованию — спектаклю?) в кавдрат — и подали на «десерт», то есть во втором отделении, когда еще не изгладилась из памяти звуки великой мессы, рахманиновского «Алеко». Разумеется, «десерт» вышел пресным.

«Алеко» театр впервые показал год назад. И тогда, а сейчас в особенности, это зрелище показалось тяжеловесным, утратившим строгие формы «чисто» концертного исполнения, но так и не обретшим сколько-нибудь интересно-

го сценического облика. Незримое присутствие нового главрежа в этой робкой иллюстрации к музыкальной новелле Рахманинова ощущалось лишь едва. А почему бы оно должно ощущаться? — спросите вы, ведь в программке вообще названо имя другого постановщика — М. Дотлибова. Но может ли приход в театр такого мощно заряженного, со своей эстетикой режиссера, как А. Титель, не сказаться на появляющихся отныне на эдшей сцене оперных постановках, даже не принадлежащих ему лично? И в «Моцарте и Сальери» это влияние уже ощутимо.

Взять хотя бы метаморфозу, происшедшую со слепым скрипачом, которого Моцарт приводит к Сальери и которого в хрестоматийно — «старческом» образе, разумеется, помнят все. (Ведь явление его — единственное хоть сколько-нибудь «развлекательное» публике событие в опере, где, по словам самого композитора, только и есть, что «комната, обыденные костюмы... и разговоры»).

Восьмью спародированных тактов из «Дон Жуана», столь оскорблявших жреца высокого искусства Сальери, сыграет не слепой старик, а крохотный ребенок (Р. Дьяченко) с лицом, будто «списанным» с портретов Рокотова, и некто, не таясь от публики, наденет ему черные очки и прицепит бутаторскую бородку. Шутка Моцарта! И росчерк тителевского пера.

Благополучно будет обойден в спектакле и самый «неказистый» риф оперы — Моцарт не станет имитировать игру на фортепиано (что всегда выглядит ненатурально и корбит чувствительного к музыке зрителя). Постановщики воспользуются пушкинской подсказкой, а именно тем местом в

«маленькой трагедии», где Моцарт, предвзяря свою игру, скажет Сальери: «Представь себе... кого бы? Ну хоть меня — немного помоложе». Тут между ними и явится воображаемый юный Амадей (пианистка И. Оржеховская), чтобы по-настоящему сказать придуманную Корсаковым пьесу а ля Моцарт и тем разрешить «неловкость» ситуации. Не прикоснется Моцарт к клавишам и тогда, когда, уже отравленный Сальери захочет показать тому первые такты своего Реквиема. Это делает за него оркестр, а он станет слушать, замерев в трагичном кресле, вознесенном над сценой. Да так и останется там, на светлом Верху. А Сальери спустится во мрак земной жизни и, проходя сквозь людскую толпу (хор, оркестр), все будет вопрошать: «Ужель он прав, и я не гений?»...

Итак, разрушен камерный мир Римского-Корсакова. Какой же иной сооружен на его месте? «Сооружен» спектакль, в котором высветился гений Моцарта, высветился благодаря «Реквиему» не на уровне знания, а на уровне чувственного восприятия, что, пожалуй, поважнее, когда речь идет об искусстве или этических проблемах. Вышел спектакль, в котором действительно явилась не просто драма завистника Сальери, а трагедия великого грешника — гордого, возманившегося исправить «кошбику неба», и отравителя, в первые минуты после преступления занятого не мыслями об искуплении, а удовлетворением собственного тщеславия (совместны, совместны гений и злодейство!). И скорбная «Лакримоза», завершающая эту историю, рассказанную на Страшном суде, станет плачем не только по душе погубленной, но и по душе погибшей.

Л. ДОЛГАЧЕВА.

def 1-942
г. Москва
Муз. театр им.
Станиславского
и Немировича-Данченко

«Алеко» / опера